

Ветеран войны Усвят Николай Ефимович рассказал волонтерам про-екта свою историю (далее записано с его слов).

Когда началась война, мне было семнадцать лет, некоторым моим сокурсникам уже исполнилось восемнадцать.

В июне месяце мы были в лагере под Лугой, и там услышали по радио объявление о начале войны. Казалось, все кругом зашевелилось. Мы с большим энтузиазмом отправились защищать Родину.

Первая встреча с жизнью

Я окончил Конное российское училище. Там нас обучали работе с лошадьми. Автомобилей у нас еще не было, они появились в 1943 году благодаря американцам. Тогда вся артиллерия перешла на автомобили. А до этого была на конной тяге...

Я до этого лошадь никогда и не видел, потому что был городским жителем. А тут — мне дали лошадь, звали ее Лунатик. Некогда было привыкать, сказали: «Давай садись».

Лошадь у меня была немного диковата, я стукнул ее по голове, а она лягнула меня. Так я попал в госпиталь.

Училище эвакуировалось в город Энгельс. Когда я выбрался из госпиталя, надо было это училище найти. Со мной был еще один парень. Последним составом отправились в Москву, откуда должны были выехать в Энгельс.

Мы сидели в купе с капитаном. У нас завязался разговор. Я рассказал о превосходстве немецких танков и артиллерии, и о том, что наши от них отстали в техническом плане. Мы-то учились и были в курсе событий, но у капитана эти новости вызывали шок.

Приехали в училище. Через месяц меня вызывает начальник училища.

— Знаешь, кто ты такой? — спрашивает меня начальник.

— Я — курсант.

— А мы вот получили донос на тебя.

— Какой донос? (Что такое «донос», я даже не знал).

— Вот, полюбуись! Усвят в поезде агитировал за превосходство немецкой техники над техникой советской. Я вынужден передать дела спецотделу. А дальше — уже не знаю, куда тебя пошлют, — сурово проговорил начальник училища.

Потом посмотрел на меня, подумал и сказал:

— Ты в школе учился? Дурак, наверно?

— Какой дурак? Меня этому учили в спецшколе. Я — дурак, может быть, но роль этого...

— Ладно, — перебил начальник, — возьму тебя «на заметку», но никуда не буду посылать. А то — это же штрафная рота!

Я ничего не понимал. Мне бы и в голову не пришло, что человек, с которым я поговорю в поезде, тут же побежит донос писать.

Потом-то уже мы стали понимать, что семьдесят процентов населения поступают именно так. Особенно это проявлялось в начале войны.

Идет человек в очках, или в шляпе, или странно одетый — и уже на него доносят. Такая у нас была шпионофобия. И такая первая встреча с жизнью.

Ну, а потом постепенно все улеглось. На третий год войны уже такого не было.

Артиллерийская бригада

Я служил в артиллерийской бригаде №265. Училище закончили, пошли воевать. Сначала был только восторг, а потом появился страх.

Впервые мне стало страшно в 1941 году, когда мы попали под сильнейший авиационный налет. Мы колонной шли, и немецкие самолеты начали нас бомбить. Самое неприятное было, когда пошла стрельба из пулемета, у них были крупнокалиберные пулеметы. И они сверху...

Мы — в панике, бросились кто куда. Минут двадцать продолжался массированный обстрел, и в голове была одна мысль: «Попадет в меня или нет?» Там еще пули были такие ассиметричные, они не то чтобы пробивают тело, а идут по синусоиде, и все внутри разрывает на куски.

Вторая и третья роты нашего полка форсировали Дон. Декабрь месяц, зима. Перед нами была немецкая, итальянская дивизии, но немецкую очень быстро разгромили, потому что у нас танки шли впереди, а артиллерия сзади. Потом дошла очередь и до итальянцев.

Когда закончились бои, помню, идем мы по полю, усеянному трупами итальянцев. Я иду вместе с нашим командиром. Вокруг тела лежат. Вдруг вижу:

один итальянец руку поднял — оказывается, жив! Такой молодой красивый парень. Мы остановились. Командир мне говорит: «Давай пристрели его». Я отвечаю: «Я не могу стрелять в безоружного человека». Он: «Хлюпик»...

Вот такие моменты войны запоминались лучше всего.

Выйти из немецкого «мешка»

В 1943 году, наступая, немцы вдруг отпрянули от Харькова (это известная операция). Наши танковые армии, войска шли вперед свободно. А это, оказывается, была такая стратегия: загнать нас в мешок.

Значит, идем, никто не сопротивляется разве что только для вида. Вдруг нам говорят, что ничего не осталось: ни питания, ни бензина, ни снарядов.

Оказывается, немцы «мешок» завязали: тылы от нас отрезали. И получилось так, что все эти танки, вся артиллерия — бессмысленны: снарядов нет!

И попала в окружение целая армия. Все бросились, кто куда. Сбросили автоматы, пистолеты, некоторые — документы (боялись, что попадут в плен).

Дня три бродили. Украина, весна. Вокруг было много оврагов, в которых мы прятались. Немцы налетают, отстреливают нас сверху. В одного попало, в другого. А я, что ли, буду сидеть в овраге? Нет уж. Лучше выйду...

Вижу, стоят человек пять наших, по-моему, офицеры. Что-то смотрят на картах, я думаю: «Надо приткнуться к ним». А у меня звание — старший лейтенант. Они пытались меня отогнать: явно не жаждали такой компании.

Но не получилось от меня избавиться. Они идут, я — следом за ними. Вдруг они знают, где есть щель, чтобы выскочить из окружения?

И действительно, дня два мы так ходили, искали, блуждали туда-сюда, — и они обнаружили такую вещь: есть Красные Лиманы, известная станция между Полтавой и Харьковом. В этом месте немцы не очень тщательно охраняли выходы из «мешка».

Ночью была такая охрана: немецкие машины, солдаты с пулеметами. Одна машина проедет, через пятнадцать секунд — вторая, третья... потом они возвращаются.

Значит, одна машина проскочила — и в это время я должен успеть пробежать.

Мы пробежали все. Так и вышли из «мешка».

Воздушно-десантная бригада

Думаю, дней двенадцать пищи не было. Съели все подчистую. Ночью снег, утром лужи — можно пить. Ногу убитой лошади отрезали — вот и конина...

Потом я пешком пошел в Харьков. Дальше Колпинск, Чабуево. У меня ноги были разбиты сильно, и попал я в госпиталь в городе Калач (Воронежская область).

Из своей части я никого не нашел в живых. Позднее, когда делал запрос в Подольский архив о самом себе, пришел ответ: данные обо мне есть только до 1943 года, а за более поздний период нет никакой информации.

Погиб весь наш полк. Это была известная военная операция, но ее не афишируют.

После госпиталя меня направили в 6-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду. За год до этого 6-я бригада была выброшена рядом с Киевом, и вся погибла. Меня вместе с другими ребятами прислали туда в качестве пополнения.

Прыжки с парашютом у меня вызвали большой интерес, хоть сначала и было довольно страшно. Я никогда в десантной бригаде не служил, особых данных для этого у меня не было, ничего не понимал в этом деле.

Формировали новую часть в городе Ногинск под Москвой. Привезли нас туда, и сразу началась подготовка к прыжкам с парашютом. Поставили сооружения около трех метров высотой, с них и надо было прыгать.

Инструктор нам рассказал такой анекдот: «У вас два парашюта: основной и запасной. Сначала — основной. Если он не раскроется, то пользуетесь запасным. Команда — "Пошел!". Сосредоточьтесь, считайте до трех, после — динамический удар, автоматический. Если парашют не раскрывается, считайте снова до трех, рука ваша должна быть на кольце запасного парашюта, вы должны дернуть, вырвать кольцо. Опять считайте до трех, и запасной парашют раскроется... Ну, а если и этот не открылся — кладите руку еще ниже и дергайте за ... Больше он уже вам не пригодится».

Первый прыжок производился из корзины воздушного шара. В ней было четыре человека. Я сделал всего четыре прыжка из корзины.

Помню свой первый прыжок. Довольно неприятная история. Вниз посмотришь — и такой страх берет! Я должен был последним прыгать. Признаться, что боишься — нельзя, неудобно это и неприлично. Дрожь во всем теле невероятная. Нужно перейти через барьер, а он достаточно высокий. Держишься руками за барьер и получаешь команду: «Пошел!».

Вот и я получил. И говорю: «Я не могу прыгать». Инструктор меня сильно по рукам стукнул, руки рефлекторно разжались — ну, и спиной пошел...

Все прошло благополучно. Я подумал, что все это пустые разговоры: «Считай до трех»... И мысли не возникает что-то там считать! Если бы основной парашют не раскрылся сам, я бы не смог открыть запасной.

Потом, уже к третьему прыжку только, начинаешь соображать: одна рука под запасным парашютом, вторая у кольца. Потом ты уже действуешь по привычке.

Прыгать обязаны все

В 1942 году немца от Москвы отгоняли. Весь фронт остановился на Смоленской дороге.

Шли сплошные дожди, а ночью надо было копать траншеи, рыть окопы, потому что готовились к взаимной атаке. Копали саперными лопатами.

Я был младшим командиром. Вот мы копаем землю, и чувствую, что моя лопата наткнулась на человеческое тело. Я сразу отбросил лопату...

6-я бригада действовала очень плохо. Да и вообще, все воздушно-десантные войска в то время действовали очень плохо. Подготовки-то никакой не было. Берут молодого парня, который еще ничего не соображает, а из него хотят сделать десантника. Я ведь тоже случайно туда попал. Я — самый древний десантник... Конечно, тут гордится нечем.

У нас были девушки-санструкторы, некоторые из них боялись прыгать. Помню, командир бригады, полковник Русских, говорит: «Взять ее (девчонку-санструктора), связать и сбросить». А она умоляет: «Нет, подождите, я спрыгну сама»...

У нас все были обязаны прыгать. Независимо от того, кто ты: врач, снабженец...

И каждому приходилось вникать в технику прыжка. Один голову слишком высоко держал — ухо оторвало. Был также случай, когда плохо пристегнутым автоматом парню лицо разбило. Случалось, и ноги ломали...

Но никто не погиб.

Пока мы формировались месяца четыре в Ногинске, в основном, занимались танцами. Режим был более-менее свободный.

Бой с финнами

Готовили нас к операции под Лисичанском. Там были бои сильнейшие. Готовы были, уже даже пошли, потом с дороги вернулись обратно: нам отменили задание. Бригаду переименовали в 99-ю дивизию и послали на Волховский фронт.

Я был командиром роты и автоматчиком. На нашем участке было такое место, где пришлось соприкоснуться с финнами. А финны воевали на стороне немцев, они поджимали и портили ленинградскую оборону.

Пришли политруки: «Завтра вам предстоит бой. Там у финнов превосходящие силы, проявите ваше мужество, героизм». Ну, все как обычно... Мы на них уже и не реагировали. В бой шли не то чтобы с чувством долга, было чувство необходимости: надо — пошли. Если бы кто-то выступил против — расстреляли бы за отказ.

В шесть утра — команда «Вперед!». Все двинулись вперед. Сразу ранили заместителя командира политчасти. Он начал стонать от боли...

И вдруг раз — и все остановилось, стрельба с той стороны прекратилась, наши тоже замолчали. Ничего никто не понимает. Тут командир говорит: «Финны объявили капитуляцию и отказались воевать».

Уже время такое наступило — они порвали союз с Германией. И в самый острый момент все прекратилось.

Мы были довольны. Поехали назад в эшелоне. Это был уже 1944 год.

Освобожденный Ленинград

Накануне победы я был в Венгрии, около Будапешта. Наша часть стояла в поместье какого-то барона. У него большой сад, персики растут. Отдыхали, все уже чувствовали, что скоро победа. Наша часть бои закончила... А там и война закончилась.

После войны мне дали отпуск.

В отпуск я мог поехать на целых две недели, так как я воевал с самого начала войны. Это считалось некоторым преимуществом. Я поехал в Ленинград, он тогда был еще разбитый весь. Нашел своего товарища. Он тоже воевал, со мной вместе учился. Семья была у меня в Уфе, отчим работал в нефтяной компании. Потом увиделся и с семьей.

Я увидел уже освобожденный Ленинград в приподнятом настроении. Мы все знали, что город сильно разбит, но не так, как думалось.

Я поступил в Академию холода¹. Я закончил десять классов, поэтому пришлось соврать, что десять. Документов никаких не было. Но поскольку я пришел с орденами, медалями (а военнослужащим в те годы отдавалось предпочтение), мне сказали: «Ладно, давай, мы знаем, что военные учатся лучше, чем обычные студенты».

Поступил. Потом пошел работать в Наркомат просвещения.

Система распределения на работу была такая: вывешивали списки, всего девяносто мест, а право выбора отдавалось лучшим студентам и военнослужащим. Я шел вторым по списку, и потому имел большой выбор.

¹ В тот период — Ленинградский институт холодильной промышленности, гораздо позже, в 90-е — Санкт-Петербургская государственная академия холода и пищевых технологий. В 2011 г. вуз был присоединен к ИТМО.

Я выбрал рыбзавод в Адлере. Там Черное море, о котором я давно мечтал. Позже объединили предприятия двух городов: Адлера и Сочи. Я стал там руководителем рыбокомбината, но потом меня переманили грузины.

Начал работать инженером рыбокомбината в Сухуми, и проработал на одном месте тридцать пять лет. Получил право на пенсию (мне исполнилось шестьдесят три года), но хотелось заработать персональную пенсию. Переехал в Ленинград, поменял квартиру. Нашел должность инженера в пансионате, и проработал еще двадцать лет инженером здесь.

У меня семья, я воспитал детей, и они, как и я сам, добились всего того, к чему стремились. Сын мой женился на англичанке, внук живет в Германии, дочь — в Америке.

Война сформировала меня как личность, закалила, научила меня только хорошему. Я приобрел опыт общения с людьми разных национальностей — на фронте ведь были и узбеки, и чеченцы, и казахи. Все воевали, кто как умел. Не было никакого превосходства одних над другими.

В первый год войны — да, было тяжело, случалась и паника. Мы ведь еще ничего не знали, не окрепли, находились в информационном вакууме. Зато потом, когда начали побеждать, уже и настроение было другое, появились и знания, и опыт, и вера в себя.

Екатерина Ефимова

Они называли меня спасителем...

Михаил Александрович Удальцов — один из героев документального фильма «Трептов-парк», который команда проекта «Перерыв на войну» сняла в 2015 году во время посещения десяти европейских городов с гастролями Кинофестиваля. Все страны, где была показана короткая программа, были освобождены Советской Армией в ходе ее наступления на Берлин — в их числе и Эстония, входившая тогда в состав СССР.

Бывший моряк Балтийского флота Михаил Александрович Удальцов — ленинградец. Всю блокаду он воевал под Ленинградом, а в Таллинне оказался сразу после войны. Там и познакомился со своей будущей супругой, которая приехала в Эстонию из Москвы в командировку.

Спустя одиннадцать месяцев после встречи они сыграли свадьбу. В этом году пара отметит семидесятидвухлетие своей совместной жизни!

По собственному выражению Михаила Александровича, войну он прошел «от звонка до звонка». Будучи радистом-разведчиком, молодой краснофлотец строил легендарную Дорогу Жизни, участвовал в прорыве блокады в 1943 году. Великая Отечественная для него, как и для миллионов наших соотечественников, стала тяжелым испытанием. Большинство друзей не вернулись с фронта. На сегодняшний день все однополчане Михаила Александровича, с кем он встречал светлый День Победы, к сожалению, тоже ушли в мир иной.

— Увы, сегодня фронтовиков остались уже буквально единицы! Я более трех десятков лет работал на судоремонтном заводе, являюсь прижатым Совета ветеранов. Оставшиеся в живых ежегодно встречаются. Скоро День Победы. Кто придет на этот раз? Не знаю! На двух судоремонтных заводах в Таллинне трудились когда-то около тысячи ветеранов, а на сегодня осталось двадцать девять человек...